

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.4(2)612
А64

Вступительная статья

Печатается по изданию:

Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. М., 1933.

Антонов-Овсеенко, Владимир Александрович

А64 В семнадцатом году / Вступ. ст. А. А. Германа, примеч. В. Е. Климанова. — М.: Кучково поле, 2017. — 384 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9950-0808-8

«В семнадцатом году» — это воспоминания известного российского революционера и публициста В. А. Антонова-Овсеенко о поистине эпохальных событиях 1917 года, оказавших ключевое влияние на судьбу России. Автор подробно описывает свое участие в деятельности русской эмиграции в Европе, возвращение на родину после победы Февральской революции, а также активную роль в подготовке и осуществлении восстания под руководством большевиков, завершившегося их победой.

После того, как в 1938 г. автор был репрессирован, его книга на многие десятилетия попала в спецхран, став недоступной для читателя.

УДК 94 (47).084.3
ББК 63.4(2)612

ISBN 978-5-9950-0808-8

© ООО «Кучково поле», 2017

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко* (1883–1938) — профессиональный революционер, видный советский партийный, государственный и военный деятель вошел в историю, прежде всего, как один из организаторов и активных участников Октябрьского переворота 1917 года в Петрограде, а также как один из военачальников Красной армии во время Гражданской войны.

Родился Владимир Александрович 21 марта 1883 года в семье профессионального военного — офицера русской армии и по традиции первоначально готовил себя к военной карьере: закончил Воронежский кадетский корпус, а в 1904 году — Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище, получил офицерское звание подпоручика и назначение в полк под Варшаву. Однако к тому времени военная служба и карьера уже не прельщали Владимира. Еще в юнкерские годы он знакомится с марксизмом, вступает в ряды Российской социал-демократической партии, выполняет революционные поручения своей партийной организации.

* Подлинная фамилия — Овсеенко. Антонов — один из его многочисленных революционных псевдонимов.

В своем полку Владимир создает одну из первых в русской армии военно-революционных ячеек. В начале 1905 года молодой офицер получает назначение в действующую армию на Дальний Восток (шла Русско-японская война), и этот факт определяет его дальнейшую судьбу. Владимир Овсенко дезертирует из армии, переходит на нелегальное положение и активно втягивается в нараставшую революционную борьбу. Он занимается военно-пропагандистской работой в воинских частях, проводя там революционную агитацию и пытаясь поднять солдат и матросов на восстание. При подготовке севастопольского восстания в 1906 году арестовывается военно-полевым судом, приговаривается к смертной казни, впоследствии замененной 20 годами каторжных работ, совершает побег из-под стражи, объявляется во все-российский розыск. Продолжает революционную деятельность в воинских частях, редактирует газету «Казарма» (1906–1907).

Угроза очередного ареста заставляет его в 1910 году покинуть Россию и под псевдонимом Антонов стать политическим эмигрантом. Местом проживания он выбирает Париж, который в то время был своеобразным центром российской политической эмиграции социалистического толка. Здесь собрались представители всех разнообразных направлений и оттенков анархизма, социал-революционизма, социал-демократии. Между ними шла непрерывная политическая борьба. Антонов примыкает к меньшевикам.

Начавшаяся Первая мировая война раскалывает российскую социалистическую эмиграцию в Париже на два непримиримых лагеря: социал-патриотов и интернационалистов. Заняв интернационалистские позиции, Владимир Александрович вместе

с Д. З. Мануильским, Ю. О. Мартовым, В. Н. Залевским и др. издает ежедневную политическую и общественную газету*, в которой разъясняется позиция русских социал-демократов по отношению к войне. Газета пользовалась популярностью. В ней печатались П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и др. Сам Антонов публиковался под псевдонимом Антон Гальский.

Годы войны, жизнь в эмиграции влияют на взгляды Владимира Александровича, все больше они дрейфуют в сторону большевизма. Овсенко знакомится и поддерживает контакты с руководителем парижской группы большевиков Г. Я. Беленьким. Февральская революция и объявленная политическая амнистия дали толчок массовому возвращению политэмигрантов в Россию. Среди них оказался и В. А. Антонов-Овсенко. В мае 1917 года он прибывает в Петроград, в июне вступает в большевистскую партию.

Летом и осенью 1917 года Владимир Александрович активно работает в военной организации партии, ведет агитацию среди солдат и матросов Гельсингфорса, редактирует газеты «Волна» и «Прибой». Он один из организаторов большевистского восстания в начале июля 1917 года, за что попадает в тюрьму. После выхода на свободу, 4 сентября, назначается Центробалтом комиссаром при генерал-губернаторе Финляндии, участвует в работе Всероссийского демократического совещания и Второго съезда моряков Балтийского флота, на котором огласил текст воззва-

* Газета выходила в 1914–1917 годах. В силу экономических и политических обстоятельств редакция неоднократно вынуждена была менять название газеты. С 1 по 5 номер она называлась «Наш голос», затем — «Голос», «Наше слово», «Начало», «Новая эпоха».

ния «К угнетенным всех стран». 30 сентября 1917 года был избран в состав Финляндского областного бюро РСДРП(б), входил в состав Организационного комитета и Исполкома съезда Советов Северной области. 15 октября участвовал в работе конференции военных организаций РСДРП(б) Северного фронта, от которого избран в Учредительное собрание

В. А. Антонов-Овсеенко — один из непосредственных организаторов октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. При его активном участии формируется военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, он избирается его членом и секретарем. 23 октября 1917 года на заседании Петроградского Совета он докладывает о том, что петроградский гарнизон в целом выступает за передачу власти Советам, красногвардейцы заняли оружейные заводы и склады и вооружаются захваченным оружием, внешнее кольцо обороны Петрограда укреплено, а действия штаба Петроградского военного округа и Временного правительства парализованы. Он входит в «полевой штаб» Военно-революционного комитета, в состав его «оперативной тройки» и вместе с Н. И. Подвойским и Г. И. Чудновским непосредственно организует и проводит захват Зимнего дворца, арест Временного правительства.

На основе решения II съезда Советов А. В. Антонов-Овсеенко назначается в состав первого советского правительства в качестве наркома — члена Комитета по военным и морским делам. Как член штаба Петроградского военного округа, помощник командующего войсками Петроградского округа 25–29 октября 1917 года он участвует в отражении попытки захвата большевистского Петрограда

А. Ф. Керенским и П. Н. Красновым. 28 октября, во время организованного Комитетом Спасения Родины и Революции антибольшевистского выступления юнкеров, Антонов-Овсеенко был захвачен ими в качестве заложника, однако 29 октября его освободили революционные матросы при посредничестве американского корреспондента А. Р. Вильямса.

В ноябре — декабре В. А. Антонов-Овсеенко командует войсками Петроградского военного округа. В дальнейшем он успешно проявляет себя на военном поприще, руководит военными операциями против антибольшевистских сил на юге России и на Украине. В декабре 1917 — марте 1918 годов командовал советскими войсками, действовавшими против казачьих войск Каледина и вооруженных сил Центральной Рады. Ими были освобождены Новочеркасск, Ростов, Екатеринодар, Киев. Плечом к плечу с большевиками сражались левые эсеры, максималисты, анархисты, представители других революционных партий России и Украины. Необходимо было обладать незаурядными качествами, чтобы подчинить, сплотить и направить в нужное русло усилия таких разных деятелей, как российские левые эсеры М. А. Муравьев и Ю. В. Саблин, латыш-большевик Р. А. Берзин, анархист А. Г. Железняков и многие другие. Владимиру Александровичу удалось с этим справиться.

С марта 1918 года В. А. Антонов-Овсеенко — верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России, с мая — член Высшего военного совета, позднее преобразованного в Революционный военный совет (Реввоенсовет) РСФСР, в сентябре — октябре координировал действия 2-й и 3-й армий Восточного фронта, с ноября — командующий группой

войск курского направления, при этом одновременно командовал советской армией Украины. С января 1919 года командующий Украинским фронтом и одновременно нарком военных дел Советской Украины. Его военная карьера неожиданно обрывается летом 1919 года. С этого времени и до 1924 года Владимир Александрович на хозяйственно-административной работе, в основном регионального уровня.

Нет единого мнения историков о причинах случившегося. Одни связывают «изъятие» Антонова-Овсенко из армии с подозрениями его в украинском национал-сепаратизме, другие объясняют ситуацию его разногласиями с наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким.

Вторая причина представляется возможной, но маловероятной, поскольку позднее, в 1922 году, при непосредственном участии Троцкого Антонов-Овсенко был назначен на должность начальника политического управления Реввоенсовета сначала РСФСР, а с 1923 года — СССР. Занимая этот пост, он активно поддержал Троцкого и его «новый курс», войдя, таким образом, в состав троцкистской оппозиции. Более того, он издал циркуляр ПУР № 200, в котором предложил своим подчиненным изменить политическую подготовку в армии в духе положений «нового курса». В ответ на требование Политбюро отменить циркуляр Антонов-Овсенко 27 декабря 1923 года направил в Политбюро письмо с предупреждением, что если «тронут Троцкого», то вся Красная армия встанет на его защиту и сумеет «призвать к порядку зарвавшихся вождей». После победы Сталина — Зиновьева — Каменева над Троцким Антонов-Овсенко был снят со своей должности и направлен в почет-

ную дипломатическую ссылку, представляя интересы СССР в Китае, Чехословакии, Литве, Польше.

В 1934 году В. А. Антонова-Овсенко неожиданно для него самого отзывают из Варшавы и назначают прокурором РСФСР. За 10 лет многое изменилось в советской стране. Вся антисталинская оппозиция была подавлена, реализовывался провозглашенный сталинским руководством курс на «развернутое наступление социализма по всему фронту», пышным цветом расцвел культ самого Сталина. Владимиру Александровичу трудно было вписаться в эту новую обстановку. Он не смог найти общий язык со своим непосредственным руководителем, прокурором СССР А. Я. Вышинским.

Осенью 1936 года В. А. Антонов-Овсенко вновь возвращается к дипломатической работе. Его назначают генеральным консулом в Барселону. В Испании в это время шла гражданская война, и этот город-порт имел важное значение для переправки испанским республиканцам военной и иной помощи. Он пытался примирить конкурировавшие между собой коммунистические и социалистические группировки, что вызывало неудовольствие ряда республиканских политиков и, в частности, премьер-министра Хуана Негрина, который назвал его «большим каталонцем, чем сами каталонцы». В результате конфликта с премьер-министром Антонов-Овсенко был в 1937 году возвращен в СССР и назначен министром юстиции РСФСР.

Возвращение совпало с пиком массового террора в СССР. Антонову-Овсенко с его «троцкистским» прошлым вряд ли можно было надеяться на пощаду вождя, тем более после неудачной миссии в Испании. Так оно и получилось. 12 октября 1937 года он был

— Ах ты, язви тебя! — срывается у кого-то из наших, видать, сибиряк.

— Погоди, товарищ, — успокаиваем, — до Питера погоди.

Сошли... Продолжительный осмотр... Черт с ними! Скорее в Питер!..

II В РЕВОЛЮЦИИ

Расстроенный тыл невозможной войны

...Семь лет разлуки.

Ты сильно изменился, родной город! Чинный, чиновный, нарядный Санкт-Петербург. Наступивший сапогом полиции, жандармерии, казачины, сыска, провокации на хмурые рабочие предместья... Бакенбарды полицмейстера, пущенные по ветру через плечо — бодрый рысак уносит его превосходительство на доклад министру. Бородачи-городовые. Звон шпор и шуршанье шелков по широким панелям в праздничное полудня иль в послеслужебный вечер... И заглушенно мощное «аллилуйя» архиерейского хора из переполненного Казанского собора в час литургии... Гоголевские «тени»? Да, столетней жизненности гоголевские «тени»...

Где все это?..

Ты сильно изменился. Но когда-то я видел тебя примерно таким же, как и в этот канун лета 1917 года* ...

* В этой части книги все даты — по старому стилю.

...Худощавый, подтянутый товарищ прокурора читает мне, в присутствии закусившего губу жандармского ротмистра, «высочайший указ» об амнистии. Через несколько минут, с узлом в руках, стремглав выскакиваю из подследственной военной тюрьмы Кронштадта. И вот, все еще с недоверчивой оглядкой в мыслях («не вернули бы!»), еду на пароходе, и скоро — на твердой земле Питера...

Какое чудесное превращение! За четыре месяца моего заточения свершились громадные вещи!

Город будто обмыт горячей волной, снесшей с лица подавленности, настороженности с суровых лиц, оживившей глаза, улыбку, распрямившей спины, облегчившей походку, развязавшей жесты... Начальство ушло. Затерялись городовые, жандармы... Может быть, вот они в этих серых, одного тона, одной кройки пиджаках — по выправке фигур, по тупости лиц, настороженности ушей, глаз... Но формы, властвовавшей над обывателем, нет. И обыватель расцвел и заговорил, расцвел всеми оттенками «красного», заговорил полнотой лексикона либерального любомудрия. Всюду группы, теснящиеся около тех или иных говорунов. И рядом с празднующим именины сердца обывателем — сосредоточенно четкое лицо пролетария и страстный силуэт изнуренного подпольщика.

И улицы — сразу демократизированные. Невский, согнавший со своих панелей малиновый звон шпоров и шелест шелков; Невский — непричесанный, неумытый, но веселый, оживленный. И — штрих особого значения — в Екатерининском сквере, среди свободного разгула необычно пестрой толпы, чугунная Екатерина II в окружении своих фаворитов, все та же на своем круглом пьедестале, но с красным флагом

в руках и в сиянии птичьих нечистот на челе... Свобода гражданам — свобода и воробьям! Начальство ушло. Дворник державный и всяческий дворник ступеялся!..

...В большом двухсветном зале несколько сот четких, серьезных фигур, уверенно и спокойно заняв места, слушают речи о делах государственной важности, продумывают ближайшие судьбы огромной страны. Начальство ушло. Новый хозяин пришел в жизнь. «Его величество Пролетарий Всероссийский», — немного иронически и очень подобострастно скажет Шебуев в «Пулемете». Эти несколько сот представляют сотни тысяч питерских пролетариев; их словам отвечает со звуком эхо миллионов рабочих всей страны, к их речам прислушиваются с разгорающимся сочувствием огромные массы пробуждающихся к политической жизни крестьян. Да, новый хозяин пришел. Может быть, ненадолго. Может быть, вскоре будет сломлен, свергнут, загнан в свое подполье, чердак, подвал, под ярмо подневольного труда. Но это неизбежно, неотвратимо — он вновь придет! Ибо его приход не был случаен, он — весть о наступлении новой эпохи, эпохи решительной битвы двух классов, эпохи социальной революции!

...Двенадцать лет. Что такое двенадцать лет в истории класса! И вот он вновь пришел, огненный вихрь пролетарской грозы. Это его дыханьем обожжены серые улицы родного города. Копоть и дым больших боев, поступь гигантских движений легла на них. Чинное шуршанье празднующих шалопаев сменено неровным перестуком бесчисленных шагов. Наряды, румяна на себе сосредоточенной спокойной жизни смяты, стертые требовательным, жадным пламенем массовой обостренной борьбы. Предместья надвину-

лись на город, предместья почти захлестнули центр, едва-едва не стерли его чиновного вида.

Летят беспорядочно грузовики, автомобили, трамваи, переполненные серой толпой. И стоит непрерывный гомон. На всех перекрестках больших улиц толпы, внезапные, летучие митинги. И всюду мельканье газет, листков. Движенья быстры, жесты развязаны. Речи пестрят новыми терминами, насыщены лихорадкой. Как в 1905-м, но гуще, напряженнее, грознее... И как в 1905-м, свобода гражданам, свобода воробьям! Царица-матушка с красным флагом в пухлых ручках и с птичьим серебром в волосах и на челе...

Но есть что-то особое в этом повторении. Не серость пиджаков — преобладает зеленоватая желтизна хаки, зеленоватый тон бесчисленных шинелей, и в звуках — не шуршанье штиблет, но скрип грубых сапог...

И к хрусту бесчисленных шагов примешивается хруст семечек. Замызган Питер семенной шелухой. Деревня в городе. Но это вооруженная деревня, это крестьянство в солдатских гимнастерках... Распоясанное, обезначаленное и... митингующее, втянутое в политику, жадно тянущееся к ней. Огромная лаборатория по перешлифовке крестьянского сознания. Расстроенный тыл невозможной войны, когда начальство ушло, а новее еще не явилось — или не освоилось?

Двоебезвластие ли?

«Невозможной войны?.. Но вот серьезненько поговаривают о наступлении. Генерал Алексеев объявил братанье преступным. Милюков проговаривается,

что союзники требуют активности от нас. «Главнотоговаривающий» языкоблудит на фронте. Французские и иных наций социал-прохвосты, Альбер Тома, сам Вандервельде работают, чтоб протолкнуть обязательства, принятые в феврале Николаем. Сорвутся? Ну конечно!.. Но будет туговато в ближайшие дни. Говоришь, революция на бивуаке? Скорее, на перепутье... Невский тебе покажет это всего четче. Тут скрещенье двух миров. Основная масса еще в колебании... Но сколько подспудных сил! Какой порыв, как быстро растет сознательность! Ты б посмотрел на Питер, когда стало известно о милюковских заявлениях!

...Империалистской войны не хотят ни рабочие, ни крестьянство. И Милюков Дарданельский должен был уйти. Но социал-оборонческие иллюзии остаются. Они прочны в туманном сознании землеробов. А для Милюковых этого достаточно. Только б продолжалась война! А для ее продолжения нужно священное единство: никакой гражданской войны! Соглашательство не изжито. Да, да, становится все яснее, что политическое соглашение длит войну, усугубляет разруху. И массы все нетерпеливее. Вот на ряде фабрик Выборгской стороны и в частях, хотя б в Финляндском на Васильевском острове, где я больше работаю, начинают успевать анархисты. Массу приходится сдерживать. Конечно, там, где пахнет крестьянством, не так. Настроения не ровны.

...Что в Совете? В рабочей секции мы с каждым днем делаемся сильнее, но соглашатели еще преобладают. В солдатской секции мы слабы, но тянет к тому же. А на пленуме солдатская масса берет верх — представительство не ровно...»

Это все сказано не так вот — залпом, а вперемежку с блестящими отскоками, прибаутками, яркими иллюстрациями, на которые такой мастер мой друг Безработный (Дмитрий Захарович Мануильский). И остроумный Дмитрий Захарович совсем в своей сфере, когда передает о внутренних делах Совета и борьбе партий.

...Дан, Церетели, Чернов (каждый поразительно скопирован) — вожди современности. Керенский — божок мещанских девиц и свой человек заговорщицких кадетско-октябристских салонов. ЦИК и Петроградский исполком в руках социал-патриотов, значит, в руках Милюкова...

Партия?.. Ленин? Как он ошарашил своим выступлением!.. И врагов, и друзей. До его приезда не было полной ясности. Наш приятель Тюфяков, подозрительно схожий (поразительная мимика!) с Николашей Романовым, авторитетно разъяснял, что буржуазно-демократическая революция не закончена и что задача — толкать буржуазное правительство к проведению последовательно-демократической программы. Того чище! На совещании Советов, как раз пред приездом Ильича, Каменев загнул: надо заставить Временное правительство отказаться от аннексий и предложить всем народам справедливый мир. Этакая мещанская наивность! Буржуазные волки могут отказаться от своей империалистской политики! И Ленин сразу (имитирует): «Обращаться к этому Временному правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с поведью добродетели!..»

...Заворот мозгов!.. Ты говоришь — апрельская конференция! Верно, на ней Ильич победил. Но не без

сопротивления. И не одного Каменева. Но как его травят в буржуазной и социал-прохвостской печати, и какой авторитет у рабочих!.. Видно, что сказано важнейшее слово эпохи, намечено основное звено всей цепи.

— Ну-ну! Так что, ты теперь среди ленинцев?!

— Видишь ли... Не совсем... У нас своя организация — межрайонцев. Та, о которой мы спорили в Париже... В организации господствует мнение, что так просто войти нельзя. Надо договариваться...

— И Троцкий такого же мнения?..

— Такого ж... Сегодня как раз его доклад на нашей фракции.

...В какой-то из зал Таврического — человек 50. Немало знакомых. Расспросы, рассказы. Принимают довольно хмуро... Знают уже, что не одобряю обособленчества. Троцкий... С обычной самоуверенностью он недоглядывает чужих настроений, недооценивает иных мыслей. Доклад его внешне блестящ. Но ведь это уже в основном слышано и перечитано. И куда лучше было выражено, потому что проще, классово членораздельнее в «Правде», в речах Ленина, Сталина на недавней конференции большевиков и в ее резолюциях! А что от себя у Троцкого, то риторично и нечетко. У Ленина — двоевластие, — ударение на лобовом столкновении двух классов, политически оформленных, кардинальный вопрос революции — перерастание в социалистическую. У Троцкого — «двоебезвластие», напор на отсутствие решимости, на прозябание революции, загнивание, когда жизнь требует быстрых, четких движений. У Троцкого тут своеобразно якобинский, административно-радикальный оттенок. И не усыпляет ли этакий анализ бдитель-

ность масс? Ведь на деле буржуазия великолепно обделывает свои дела чрез Временное правительство: войну продолжает в союзе с Антантой, земли не дает, проводит саботаж рабочих требований, дезорганизует производство, подготавливает свое полновластие. Нет! Это — не «двоебезвластие»! Да, ясен вывод о необходимости твердой, а потому однородной революционной власти, дабы вывести страну из тупика, но без четкой перспективы социалистической революции. И какой напор на международное положение при отсутствии так сугубо подчеркнутой Лениным задачи борьбы за переход крестьянства на нашу сторону! Пахнет все той же «перманенткой»...

Оргвывод

Ранним утром читаю в «Правде» (№ 60): «К вопросу об объединении интернационалистов». ЦК предлагает немедленное объединение, причем предлагает ввести в состав обеих газет по одному представителю от межрайонцев; через полтора месяца партсъезд, в оргкомиссии по его созыву — два делегата от межрайонцев; следует привлечь и представителей от «мартовцев», если последние порвут с оборонцами; дискуссионный листок при «Правде» и дискуссия в «Просвещении». Это предложение встречено «межрайонкой» довольно прохладно — принята резолюция, весьма одобряющая объединение на платформе «Циммервальда и Кинталея, программы и постановлений партии от 1908 и 1910,

1912 и 1913 годов». Очень отрадно, но не очень-то четко! В Циммервальде и Кинтале не было подлинно революционного единства, боролись три линии. И теперь, при такой зрелости ситуации, брать за платформу столь расплывчатое основание совсем не пристало!

Но хорошо, нужно объединение, так объединимся же! «Межрайонка», однако, никакого практического предложения не делает. Горсточка интеллигентов норовит поставить условия массовой пролетарской партии и куксится с недоверием, когда ей великодушно предлагают исчерпывающие «гарантии». Будто нужны особые гарантии при вступлении в партию массового действия! Поганенький интеллигентский индивидуализм, столь многих из нас ослабляющий, сказывается в этаким недоверии, в этаким уважении к оттеночкам своих личных взглядов. И все разъяснения мне кажутся неубедительными. Ясно, что межрайонцы хотят договариваться как «равный с равным».

Мое же решение принято.

— Хотел бы видеть секретаря ЦК.

— Подождите немного, товарищ.

Здесь, в тесноватых комнатах, много кажущегося беспорядка бумаг и людских движений. Проходят группы торопящихся людей — проносят листки, газеты, слышатся телефонные разговоры, откуда-то заглушённый, на низких тонах, рокошет бас.

— Вы товарищ из Парижа, из Клуба интернационалистов? Гриша Беленький? Залевский? Знаем. Знаем! — Из-за очков смягченный взгляд, казалось, строгих глаз на сухом, четком лице немного классно-немецкого типа. — Пойдем к Надежде Константиновне.

В комнате рядом, за столом, заваленным письмами, газетами, на краткое замечание приведшей меня Стасовой встречает приветная улыбка:

— Владимира Ильича нет... Помним ваши статьи в «Голосе», «Нашем слове».

Выслушивает с интересом рассказ о споре с Троцким. Напоминаю попутно, что еще два года назад в «Нашем слове», в статье «Две партии», говорил о необходимости организационного раскола с оборонцами и примиренцами и вступлении интернационалистов в большевистскую партию.

— Если за границей возможна была организационная нечеткость, хотя наш Клуб интернационалистов стоял по существу на ленинской платформе, то в России она абсолютно недопустима. И вот, прошу принять в партию...

— В добрый час! — говорит Надежда Константиновна. — В добрый час! Яков Михайлович, на минутку.

Из соседней комнаты — небольшого роста, быстрых и верных движений, черноватый, большеротый... Широко протягивает руку при первых словах представления и рекомендации.

— К нам? Отлично! — сверкнув энергично взглядом, гудит Яков Михайлович. — Только надо вам дать в «Правду» заявление... И пройдемте ко мне, поговорим о работе...

— Огляделись уже в Питере? Только пару дней как приехали! Эх, расспросить бы надо, да некогда. В другой раз. Сейчас — заседание ЦК. Кратко. Основная кампания теперь — муниципальная... Ведь вы опытный оратор? Вот пока и будете выступать... Положения наши вам известны? Особенно статьи Ильича, Сталина. Вот материалы... Основа — 90% о войне, 10% — об остальном. Но к массе надо подходить от

ее особых нужд. Политическое воспитание не закончено. Приготовительный класс — эти частичные лозунги момента. У рабочих — одни, у солдат — другие. Рабочие сейчас болеют безработицей, дороговизной, опасениями разгрузки — эвакуации. Солдаты — война, земля, декларация прав. Знаете? Хорошо. Хотели бы сейчас приступить... Подождите, товарищ, занят!.. А, это вы, Архипенко? Кстати! Входите. Знакомьтесь — товарищ Антонов, эмигрант, недавно из Парижа. Бывший военный. У вас сегодня митинг? О декларации прав и муниципальные выборы? Вот вам оратор... (Серые выпуклые глаза недоверчиво оглядывают мою фигуру в крахмальном воротничке, задерживаются на длинных лохмах волос.) Старый революционер, подпольщик. Был офицером. Найдет нужный язык... Итак, двигайте. Завтра в эту же пору, товарищ Антонов. Да, а как у вас с деньгами? Еда, кров?

Стремительность этого темпа бодрит, деловая речь, без выкрутасов, прямой взгляд, точность, определенное внимание к мелочам, — как он располагает к себе, Яков Михайлович Свердлов!

Настроения копятся

Обширная мастерская — гараж с десятками авто, грузовиков. Деревянный помост, на котором за опрокинутым ящиком, на табуретах несколько солдат и штатских. Мастерская переполнена, гудит...

Архипенко, встретив у входа, опасливо замечает: — Ильин приехал!

— Вот этот?

— Да, от Совета!

— Ничего! И не таких видали! (По правде-то, еще никого не «видал»!)

— Товарищи! Так разрешите собрание открыть. Выберем председателя.

— Калашников!

— Иванов!

Жижге:

— Архипенко!

— Кто за Калашникова?.. Ясное дело... Секретаря! Начинает толково.

— Попереди у нас — «Декларация прав», вторым — «О выборах в районную думу». По первому мы продолжаем собрание, список был закрыт. Слово, значит, Архипенку.

Мой знакомый преображается, начиная говорить. Угрюмость исчезла. Жестикуляция сдержанна, но сильна. Много крепкой злости в сжатых словах:

— Называется «Декларация прав». Права, выходит, даны солдатам? По-нашему, обокраден солдат! Кто свергал Николая Кровавого? А рази офицерство не той же крови? Не от тех же дворян? Старые дворянские порядки рвать надо с корнем. Холуев теперь нет! А что декларация... «В тех местностях, где нет возможности нанять прислугу, разрешается иметь вестового». Что это? Вперед иль назад? Назад! Так-то был денщик, теперь вестовой. «Не умер Данило — болячка задавила». (Смех, аплодисменты.) А параграф девятый — это вперед или назад? Во внеслужебное время только разрешаются митинги и вообще свобода слова. А кто его определит, когда «служебное», когда «внеслужебное» (С места: «Врешь! Это известно!»). Ничего не известно! Вот тут приехал товарищ

с Северного фронта — у него в артиллерийское ведомство служебное дело. Что ж он во внеслужебное? Нет?!.. Насчет наказаний — того хуже. Разрешается пускать вооруженную силу против того, кто не исполнит приказа. Выходит, право командира — бить, а наше право — спину подставлять. Вооруженная сила! Значит, и расстрелять, да без всякого суда, можно! Это что? Насилье, товарищи! Царский прижим! Романовщину возвращают. Дворянскую власть! Выборность отменена. Выбирать начальников нельзя... Это нас в ярмо гнут. Назад вертают! Царя свергли, взяли права. Наши права берут назад. Откуда такой царский манифест? Господин министр Керенский издал. А нас спросили? У Совета спросили? Не спросили.

На место Архипенко коренастый бородач.

— Должна быть дисциплина! Война не кончена. Значит, должна быть власть. Иначе нет войска, а толпа, с ней не навоюешь, пропадешь ни за грош. Раз дисциплина, должно быть и наказание дисциплинарное — без суда, властью начальника. А Керенского не тронь! Мы, социалисты, знаем — он готов жизнь за народ отдать. Сколько раз страдал в Думе. Надо держать фронт, так выходит, что нужно уважать начальство, дать ему силу, власть. Выборные комитеты для внутреннего распорядка, а не для команды. Небось, у немцев никаких прав солдатам нет. Значит, надо принять декларацию!

— ...Чего говорить-то! Ты поскобли его — нашивки найдешь! Шкура барабанная! — кричит надрывно, лихорадочно жестикулируя, новый оратор. — Мы немцу спуску не дадим, да наших правов не забирай! Холуев больше не будет для вашего благородия! Дисциплина должна быть, да не ваша,

барская, царская, а народная. От доброго сердца и от понимания общего дела и антиреса. (С места: «Довольно! Все ясно! Давай дальше! Третье собрание тратим».)

Председатель:

— Список ораторов был еще раньше закрыт, значит, слова кончены. От комитета мы в заключение не говорим, потому что все ясно. Предлагаем резолюцию.

В резолюции — упор на отмену выборности начальства, что «лишает силы все завоевания революции в армии»; собрание протестует «против умаления прав солдата, завоевавшего вместе с рабочими свободу», и требует «вполне демократичного выборного начала, которое одно может дать солдатам возможность влиять на создание действительной революционной армии и устранил все злоупотребления и произвол командного состава».

— Кто за?.. Кто против?.. Единогласно при пяти против... Прежде второго пункта просит слово приветствовать делегат от 105-й дивизии.

— Просим! Просим!

— Дозвольте, товарищи, передать вам привет от окопных граждан 105-й дивизии с румынского фронта... — Один из тех загорелых и замусоленных, несколько растерянных, кого можно встретить в кучерах Таврического или на Невском в кучках; слова тяжелые, выстраданные: — Мы на фронте истощали... Лошадидохнут. С орудий стрелять нельзя. Снарядов подвезти не на ком... Три года со вшами боремся. Гнием в соломе... Немец, знай, поливает... А ты думаешь, снарядов страшно? Страшно оттого, что конца этой каторге не видим. Роешься, как крот... А и ночью все без сна. Еды ж не хватает... Хлеб

не всегда два фунта, и то с соломой... Начальства почти не видим... Кто вовсе сбежал, а кто где прохладается. Послали нас сюда, к Совету, чтоб спросить, скоро ль будет какой конец. У нас все говорят, что скоро быть замиренью... А из дому пишут, что землю надо делить и чтоб приезжали. В тылу тоже расстройство. Железные дороги ходят неисправно... Приехали мы и услышали: говорят о новой войне. Какая еще новая война? И кто это говорит-то! Толстобрюхие, что скрываются на учетах, в санитарных местах, штабах, канцеляриях да на заводах. Пользуются увольнением под видом, что больны, а уволены только по тяжести их карманов. Так пусть они и идут в окопы на новую войну. А мы довоевались! Пусть не страшат нас немцем. Они хуже всякого немца... Россия, говорят, погибает! Пусть гибнет ихняя Россия, а нашей дайте жить, дайте отдыху. Вот как уехали с фронта, поняли... Товарищи, враг наш не впереди, враг в тылу... (Нараставший гул покрывает оратора.) Чего? Нету, товарищи, мы не большевики. Мы с фронта...

— Слышали! Довольно! Долой! Давай доклад!

Председатель что-то объясняет делегату, пытающемуся продолжать. Тот махает рукой и сходит с настила.

— Так мы скажем товарищу от 105-й дивизии: передай землякам, что мы их понимаем и сочувствуем и благодарим за приветствие... Позвольте к порядку...

С привычно спокойной манерой баловня говорит эсер Ильин. Снисходительно отстраняет «неграмотную» речь окопника.

— ...Враг не пред нами? А разве немцы увели свои войска? Не занимают наших земель? Не обстрели-

Содержание

Вступительная статья.....	5	Беспокойство растет	97
От автора	21	Русский отряд	105
Часть первая. ЗА ГРАНИЦЕЙ	23	A bas la guerre!	109
«Этот год будет годом правосудия»	23	Прощание с Францией	113
Основа патриотизма	26	В пути	120
Налет	33	Часть вторая. В РЕВОЛЮЦИИ	129
Против революции есть ажаны, военные суды и... социалисты	38	Расстроенный тыл невозможной войны	129
«Charbon ou la paix!»	43	Двоебезвластие ли?	132
«Это может повести к катастрофе»	46	Оргвывод.	136
Нет вождя — нет большевистской партии	51	Настроения копятся	139
Америка участвует в войне	58	Нужно сменить вагонОВОЖАТОГО	149
Российская эмиграция	65	Невский — барометр контрреволюции	155
В России революция!	76	«Селянский министр»	159
Советы социал-патриотов	87	Володарский.	162
«Марсельеза» побита «Интернационалом»	92	Зреет крепкая пролетарская гроза	167
		Моряки Гельсингфорса	173
		Волна	178
		«Мы последнюю резолюцию выносим. Не выполнят — будем действовать»	181
		Солдатские настроения	186
		Центробалт и Керенский	193
		Не оборона, а наступление	198

18 июня	203
Правительство бросает вызов	205
Гельсингфорс в июльские дни	209
Зашевелился гад	224
В Крестах	227
Костлявая рука	237
Нарастает большевистская волна	240
Не сидится	245
Тень белого генерала	248
«Мавр сделал свое дело...»	251
Власть Советов в Финляндии	256
На Демократическом совещании	261
На передовом посту революции	280
Северный областной съезд	287
Военно-революционный комитет	299
Ленин побеждает	303
Вождь	305
«Всеми силами поддержать борьбу за власть»	308
Удар в спину	310
Мотор революции	313
Первый бой — первая победа	319
Вторая победа восстания	325
Штаб восстания	330

Рабочий Питер встал под ружье	334
Началось	335
По всему фронту	341
Либерданят	351
Последняя ставка Керенского	361